

Сатору ушёл недалеко. Когда Яёи отыскал его, тот сидел в одиночестве у самой воды.

Небольшая речушка пересекала всю деревню, выбегая к пологому берегу, усыпанному галькой. Годы, проведённые в объятиях бурного течения, обкатали камни, сделав их безупречно круглыми и гладкими; сейчас, в лучах заходящего солнца, они мягко поблёскивали, словно россыпь влажного речного жемчуга.

Накахара пересёк каменистый пляж и зашёл за спину Сатору. Галька под подошвами его ботинок негромко зашуршала. Годжо, конечно же, услышал эти шаги, но предпочёл этого не показывать. С самым упрямым и угрюмым видом он продолжал гипнотизировать взглядом бегущую воду и даже демонстративно отвернулся, делая вид, что сидит здесь совершенно один.

Яёи лишь беззвучно вздохнул, чувствуя, как внутри нарастает неловкость.

Утешать раздосадованных людей он не умел от слова «совсем». Если бы существовал список вещей, которые Накахаре даются с наибольшим трудом, искусство поддержки и сопереживания прочно обосновалось бы на самой вершине.

У него никогда не было сверстников-друзей. По жизни он шёл гордым одиночкой, а всё его общение с одноклассниками сводилось к сухому обмену домашними заданиями.

В Портовой мафии подчинённые и вовсе трепетали перед ним от страха. Даже если у кого-то случалась беда, идти излить душу молодому боссу никто не решался. Зато Цукияму Хаято вечно осаждали рядовые бойцы: то у Сато сестрёнка поступила в университет, то Такахаши убивается из-за того, что его бросила девчонка... Так что Хаято, помимо своих прямых обязанностей помощника, добровольно тянул лямку штатного психотерапевта для низов организации.

Словом, в делах душевных у Яёи не было ни таланта, ни опыта. Он перебрал в голове кучу вариантов, но так и не придумал ничего лучше, кроме как просто сесть рядом и молча составить Сатору компанию.

«В конце концов, Сатору — всего лишь персонаж игры, — успокоил он себя, решив не усложнять жизнь. — Какая разница, молчу я или говорю? Не перед кем тут стесняться. Неловко не будет»

С этой мыслью Накахара бесшумно опустился на камни рядом с Годжо.

Оказавшись у кромки воды, Яёи заметил, что речка буквально кишит мелкой рыбёшкой. Солнечные лучи пронизывали прозрачную толщу до самого дна, и от каждой серебристой чешуйки на речной песок ложилась тонкая, подвижная тень.

Он ведь ушёл на поиски Годжо прямо посреди ужина, поэтому в руках у него до сих пор был

недоеденный онигири. Развернув шуршащую обёртку, Яёи отщипнул щепотку риса и бросил её в воду.

Косяк рыб тут же оживился. Виляя хвостами, они ринулись к добыче, взбивая крошечные фонтанчики брызг. Рис разлетелся на отдельные зёрна, которые мгновенно исчезли в прожорливых ртах.

Яёи отщипнул ещё кусочек и снова замахнулся, отправляя угощение в воду.

Он увлечённо кормил рыб, а Сатору, сидевший буквально в десяти сантиметрах, молча наблюдал за этой картиной, разделяя с ним меланхоличное созерцание.

Из-за своей неизлечимой социофобии Накахара всегда испытывал дикое напряжение рядом с малознакомыми людьми. Для него это было пыткой, сравнимой разве что с внезапным вызовом в кабинет Мори Огая часиков в одиннадцать вечера для разбора экстренных отчётов. А поскольку симулятор «Обитель любви: Магический колледж» пугал своей гиперреалистичностью, да и сам Годжо Сатору слишком уж беспардонно попадал во все эстетические предпочтения Яёи, их первые встречи доводили бедного парня до панических атак. Стоило Сатору просто взглянуть на него или вздохнуть рядом, как социальная тревожность Яёи взлетала до небес. Естественно, он всеми силами избегал оставаться с ним наедине.

Но теперь... Трудно сказать, когда именно этот удушающий дискомфорт сошёл на нет. Сейчас Накахара спокойно смотрел на играющие на воде блики, подставлял лицо прохладному горному ветерку и чувствовал удивительное, глубокое умиротворение.

Затянувшаяся пауза начала тяготить Сатору. Он уже успел изучить характер своего спутника и прекрасно понимал: если не заговорить первым, этот нелюдимый парень будет молчать до конца вечности. Годжо заёрзал на месте, то и дело бросая на Яёи короткие взгляды. Но тот оставался невозмутим, словно каменное изваяние, игнорируя любые намёки.

Покопавшись в мыслях в поисках хоть какого-то предлога, Сатору наконец выдавил:

— Завтра, похоже, будет ясно.

Яёи поднял голову. Небо затянула тонкая вуаль высококучевых облаков, которые закатное солнце превратило в россыпь сияющего золотого песка.

— Да, — негромко согласился он. — Наверное.

Онигири закончился. Яёи аккуратно сложил обёртку в плотный квадратик и огляделся по сторонам, выискивая глазами урну среди придорожных кустов. Заметив мусорный бак у старого пня чуть поодаль, он решил избавиться от бумажки.

Поднимаясь, Яёи словно невзначай, мимолётным жестом опустил ладонь на голову Сатору.

Но его руку мягко остановила «Безграничность». Ощущение было удивительным: он чётко чувствовал физическую преграду, но пальцы упирались лишь в упругую воздушную прослойку, так и не добравшись до мягких белоснежных волос.

Сатору, который до этого увлечённо следил за объедающим водоросли карпом, от неожиданности вздрогнул, почувствовав, как чужая ладонь коснулась невидимого барьера его техники. Он изумлённо вскинул голову, глядя на Накахару снизу вверх.

Яёи, избегая прямого взгляда, лишь тихо произнёс:

— Спасибо за сегодня. Ты хорошо потрудился.

Мыслительные процессы в голове сильнейшего мага мгновенно застопорились. Понадобилось не меньше пяти секунд, чтобы его перегруженный мозг обработал эту простую фразу. Он во все глаза уставился на Яёи, чувствуя, как сознание превращается в абсолютную кашу.

И сквозь этот сумбур внезапно пробилось горькое, щемящее сожаление: если бы он только вовремя отключил «Безграничность», Яёи действительно погладил бы его по голове.

Годжо мысленно проклял свою безупречную защиту.

Следующее утро полностью оправдало их прогнозы — погода выдалась на редкость безоблачной и тёплой. Свернув лагерь, они возобновили свой путь на северо-восток, двигаясь вдоль древнего паломнического тракта Исэдзи.

Тропа петляла совсем близко к побережью. Сквозь пышные кроны столетних кедров то и дело открывался захватывающий вид на пронзительно-синее море Кумано-нада. Прямо у воды тянулась железнодорожная насыпь, и раз в час лесную тишину нарушал далёкий мерный гул проносящихся мимо поездов.

Дорога от Великого святилища Кумано Хаятама к скалам Онигадзё пролегала мимо легендарного пляжа Ситири Михама — бесконечной двадцатикилометровой полосы серой гальки, омываемой водами Тихого океана. Сугуру, предусмотрительно прихвативший в храме туристическую карту Исэдзи, не торопясь шёл позади всех, прикидывая в уме оставшееся расстояние и время.

Спустя пару минут он оторвался от карты и окликнул товарищей:

— Если мы попытаемся дойти до святилища Хана но Иваи без остановок, то просто свалимся от усталости. Давайте сделаем привал и заночуем где-нибудь по дороге.

Яёи, который и сам держал в уме этот вариант, согласно кивнул:

— Разумная мысль. Так и поступим.

Прохладный утренний ветерок приятно освежал лицо, солнце не пекло, и дорога казалась лёгкой. Они шагали в размеренном темпе, лениво переговариваясь и любуясь величественными пейзажами.

К четырём часам дня, когда до Онигадзё оставалось около пятнадцати километров, было решено сделать полноценный привал. До сумерек времени оставалось с запасом, но, поскольку все трое пропустили обед, желудки настойчиво требовали своего. Заглянув в ближайший минимаркет за сэндвичами и газировкой, они устроились прямо на берегу.

Пляж, усыпанный мелкой серой галькой, уходил далеко за горизонт, а на заднем плане высились суровые очертания горных хребтов, придавая пейзажу дикий, первозданный вид. Яёи, плотно позавтракавший утром огромной порцией рамен, почти не проголодался — ровная дорога не требовала больших энергозатрат. Пока Сугуру и Сатору уплетали сэндвичи с яйцом, он не спеша побрёл вдоль кромки прибоя, высматривая среди камней интересные экземпляры.

Вглядываясь в набегающие волны, он вдруг заметил среди пены блестящий зеленовато-голубой огонёк размером с крупный финик. Это было стеклышко — осколок какой-то бутылки, давным-давно выброшенный в океан. Вода долгие годы бережно шлифовала его острые грани, превращая в гладкий полупрозрачный леденец, пока наконец не выплюнула обратно на сушу.

Загоревшись желанием заполучить эту безделушку, Яёи сбросил обувь, закатал брючины и шагнул в прохладную воду. Пляж Ситири Михама славился коварным характером: здесь всегда дули сильные ветры, а глубокие прибрежные течения делали купание смертельно опасным. Заметив, что друг зашёл слишком далеко, Сугуру встревоженно крикнул:

— Яёи! Не лезь в глубину, тут сильное течение! Возвращайся!

Накахара махнул ему рукой в знак того, что всё под контролем, и нагнулся за трофеем. Но стоило его пальцам сомкнуться вокруг заветного стеклышка, как прямо за его спиной вздыбился крутой вал. Набежавшая волна с шумом обрушилась на берег, окатив парня с ног до головы холодной пеной.

Яёи застыл, промокший до нитки.

Тяжело вздохнув, он побрёл назад к раскидистому дереву, где сидели друзья, на ходу отжимая

мокрый подол рубашки и пряча добычу в карман рюкзака.

Сугуру сочувственно покачал головой и протянул ему пачку салфеток:

— На, вытрись хотя бы. Безумный коллекционер.

Яёи принялся стирать с кожи липкую морскую соль. К счастью, летнее солнце грело вовсю, так что простуда из-за мокрой одежды ему не грозила.

Тем не менее оставаться в сыром виде было неприятно, и они решили пораньше заселиться в ближайшую гостиницу, чтобы Яёи мог переодеться. Свернув с пляжа, троица направилась в сторону жилых кварталов Кумано. Едва перейдя через железнодорожные пути, они наткнулись на небольшую лавочку с вывеской джелатерии.

Солнце к вечеру палило нещадно, и сладкая газировка ничуть не спасала от жажды. Переглянувшись, парни без лишних слов повернули к прилавку. Сугуру, недолго думая, заказал местный хит продаж — рожок мягкого мороженого, щедро присыпанный ярко-зелёной пудрой маття.

Продавец, предусмотрительно прикрывая рот ладонью, протянул ему рожок и со значением предупредил:

— Пожалуйста, кушайте аккуратнее. Наши гости очень часто вдыхают сухую пудру и сильно кашляют.

И это не было преувеличением. Стоило Сугуру сделать первый осторожный укус, как облачко мелкодисперсного зелёного чая взмыло в воздух, попав ему прямо в дыхательные пути. Лицо мага мгновенно перекосилось, он согнулся пополам от кашля и, отчаянно сипя, попятился к соседнему автомату с напитками:

— Кха... кха! Я сейчас... куплю воды... кха-кха!

Сатору зашелся громогласным хохотом, едва не сползая по стене от восторга. Впрочем, этот инцидент несколько не умерил их с Яёи любопытства — они из чистого упрямства заказали точно такое же лакомство.

Забрав свои порции, они вышли на улицу ожидать несчастного Сугуру.

Слой зелёной пудры на верхушке рожка был пугающе толстым. При малейшем движении порошок осыпался, окрашивая пальцы в изумрудный цвет. Яёи есть не торопился; он замер с выжидающим видом, наблюдая за Годжо в надежде, что тот покажет пример безопасного поедания этого десерта.

Но тут закон подлости сработал безупречно. По улице пронёсся резкий порыв ветра, который начисто сдул сухую присыпку с верхушки рожка, подняв в воздух густое зелёное облако.

И Сатору оказался точно на пути этого импровизированного снаряда.

Конечно, у него работала «Безграничность», и сухой порошок должен был просто обтечь его невидимый барьер, не оставив и следа. Но Сатору заметил направленный на него взгляд Яёи. В его голове мгновенно созрел какой-то глупый план, и он осознанно отключил технику, позволив ароматной зелёной пыли ровным слоем лечь на своё лицо.

Разумеется, его тут же накрыл приступ кашля.

— Кха! Кха-кха... Чёрт, ну и гадость!

Зелёный налёт покрыл весь его лоб и щёки, забился в поры кожи и налип на ресницы, сделав их и без того густые веера совсем тяжёлыми.

— Глаза жжёт, — обиженно заканючил Сатору, зажмурившись. — Яёи, у меня руки в этой дряни, я не могу вытереть... Помогите, а?

— Не вздумай тереть! — испугался Накахара.

Побоявшись, что едкий чай попадет на слизистую, он быстро шагнул вперёд. Аккуратно стянув с переносицы Сатору тёмные очки, Яёи принялся осторожно смахивать пальцами зелёную пудру с его век и висков. Кожа Годжо была поразительно чистой и гладкой; прикосновение к ней невольно вызвало у Яёи глупую мысль о том, что щёки этого парня на ощупь напоминают нежнейший сливочный пудинг.

Сатору стоял смирно, послушно подставляя лицо под чужие ладони. Когда тонкие, прохладные пальцы Яёи едва уловимым движением коснулись его ресниц, сердце сильнейшего мага сделало глухой, неровный кульбит.

— Всё, открывай, — тихо выдохнул Яёи, отступая на полшага.

Сатору медленно приоткрыл глаза, устремляя взгляд на лицо Накахары. В его глазах мелькнуло что-то странное, решительное. Он на секунду сжал кулаки так, что побелели костяшки, а затем медленно, с трудом заставил себя расслабить пальцы.

Слегка опустив голову, он замялся, подбирая слова, и наконец тихо, несвойственным ему робким тоном спросил:

— Яёи... Скажи, как ты ко мне относишься?

<http://bllate.org/book/19457/2004633>